

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Часть третья. Международная миграция в СССР

в 1923-1930 гг.

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Третья часть статьи посвящена анализу сравнительно небольшого периода. В течение 1923-1930 гг. в международной миграции в нашей стране произошли существенные изменения. С одной стороны, они были вызваны введением нэпа, а с другой – политикой индустриализации. Но главный тренд миграционной политики был связан с законодательным утверждением политики закрытости страны, несмотря на значительный эмиграционный потенциал.

Ключевые слова: эмиграция, иммиграция, сельскохозяйственная и промышленная иммиграция, привлечение иностранных специалистов, эмиграционный потенциал, закрытое население.

Эмиграция из СССР с точки зрения внутренних условий, господствующих в стране, не имеет перед собой больших перспектив...

Значительно более широкие перспективы имеются для иностранной иммиграции, не только азиатской, ... но и для европейской, поскольку индустриализация не только позволит, но и сделает желательным приток квалифицированных рабочих, иностранных специалистов и т.п. [Осинский (Оболенский) 1928:137].

НОВЫЕ ЧЕРТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Окончание эпохи «военного коммунизма» и гражданской войны означали переход к восстановлению экономики. Одним из необходимых условий введения нэпа в конце 1921 г. стала корректировка внутренней и международной миграционной политики.

В 1922 г. всем гражданам по всей территории РСФСР было предоставлено право беспрепятственного передвижения до пределов пограничных пунктов [СУ 1950: №11, ст.106: 201-202]. Но практика реализации закона 1922 г. означала многочисленные исключения. Приведем некоторые из них.

Решение бюро Петроградского губкома РКП(б) «Об очищении Питера от эсеров и меньшевиков» от 23 мая 1922 г. предусматривало чистку и удаление из Питера контрреволюционного студенчества [Рожков 2014: 223]. В 1925 г. бывшие помещики лишились права на землепользование и проживание в принадлежавших им до октябрьской революции хозяйствах [СУ 1925: №21, ст.136: 257-260]. В 1926-1927 гг. был поставлен вопрос о высылке из Москвы и других городов с населением свыше 50 тыс. человек «уголовной буржуазии», т.е. крупных нэпманов, когда-либо осужденных или административно высланных по хозяйственным делам. Выселение этой группы началось в 1930-е годы [Смирнова 2003: 159].

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО (mvm.msu@gmail.com), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Изменения в эмиграционной и иммиграционной политике учитывали возраставшие торговые, экономические, культурные, дипломатические связи РСФСР (СССР) с другими странами. По идеологическим и пропагандистским соображениям важно было также продемонстрировать открытость страны в гуманитарной сфере. В совокупности эти факторы означали смягчение ограничительно-запретительной политики, характерной для периода октября 1917-1922 г. Во второй половине 1920-х годов привлечение в СССР иностранных специалистов и подготовка отечественных кадров за рубежом стали необходимым условием индустриализации страны из-за оттока квалифицированных кадров и проблем, связанных с использованием «буржуазных специалистов». В итоге различные аспекты международной миграции в РСФСР (СССР) привлекали значительное внимание в течение 1922-1928 гг.

С началом нэпа международные связи РСФСР (СССР) расширились в различных областях. Был временно разрешен льготный пропуск посылок из-за рубежа с продовольствием и некоторыми предметами первой необходимости [СУ 1950: №5, ст.641: 1128-1129]. Судя по литературе, были разрешены денежные переводы гражданам СССР из-за рубежа. Вузы и научные учреждения могли обмениваться литературой с вузами и научными учреждениями других стран. Правда, поступающие в СССР издания на русском языке должны были предварительно утверждаться Главным управлением по делам литературы и издательства (Главлитом) [СУ 1923: №4, ст.67: 50]. Работникам государственных учреждений и предприятий, как и работникам всесоюзных кооперативных и профсоюзных объединений, были разрешены заграничные командировки для изучения опыта организации труда, производства и управления [СУ 1924: №53, ст.528: 656] и др.

Важным событием стал декрет 1922 г., допускавший выезд граждан РСФСР и иностранцев за границу [СУ 1950: №34, ст.401: 784-786]. Осторожная формулировка декрета (допуск выезда) означала возможные ограничения в выдаче гражданам РСФСР (СССР) разрешений на выезд за границу.

Оформление такого выезда предусматривало подачу ряда документов по месту постоянного жительства в губернское Управление НКВД: заявления установленной формы (Приложение), вида на жительство, свидетельства об отношении к воинской повинности (для военнообязанных), удостоверения с места работы или с места учебы об отсутствии препятствий к выезду за границу и др. Согласно инструкции, отказ в выезде за границу был возможен при невыполнении гражданином СССР всякого рода государственных повинностей и налогов, в случае, если выезжающее лицо находилось под судом или следствием или разыскивалось органами власти, по мотивам государственных интересов и охраны безопасности и др. [Инструкция о порядке... 1923: 7].

В 1922 г. консульский сбор за заграничный паспорт был установлен в размере 20 золотых руб. [СУ 1950: №22, ст.232: 460-462].

Декрет 1922 г. о допуске к выезду граждан РСФСР и иностранцев за границу и инструкции НКВД РСФСР дополнили распоряжения ведомств.

По инструкции Наркомата по Трудом СССР (НКТ СССР) справки с места работы при поездках частного характера впредь до особого распоряжения выдавались *беспрепятственно* (здесь и далее - курсив НКТ СССР). Однако местные органы в случае потребности в отдельных категориях специалистов могли возбудить перед НКТ СССР ходатайство *о введении* ограничения для данной местности выезда за границу определенных категорий специалистов. НКТ СССР, исходя из состояния рынка труда, мог разрешить или не разрешить выезд. Обо всех специалистах, выехавших за пределы СССР и возвратившихся, местные органы были обязаны сообщать в НКТ соответствующей республики, отсылая копию в НКТ СССР [Инструкция НКТ... 1924: 9-10].

С 1 января 1923 г. выдача заграничных паспортов гражданам РСФСР и иностранцам была передана в ведение НКВД и его местных органов, получивших на это специальное разрешение [СУ 1923: №1, ст.6: 5-6].

Отказы населению в оптации в страны Балтии, Польшу, Финляндию, рассмотренные в предыдущей части нашей статьи, отразили позицию государства, стремившегося ограничить выезд за границу по этому каналу. Судя по воспоминаниям современников, нелегко было получить разрешение на выезд за границу и по декрету 1922 г. Существенную роль в решении о выезде (или невыезде) играл экономический фактор. Заграничные паспорта, не считая других затрат на переезд, «стоили безумных денег» [Голицына 2009: 99-100].

В 1923 г. для некоторых категорий лиц, находившихся за рубежом, были введены новые правила получения вида на жительство, выдававшегося заграничными органами СССР. В эти категории были включены лица, зарегистрированные в Полномочных Представительствах РСФСР, восстановленные ВЦИКом в правах российского гражданства, принятые ВЦИКом в российское гражданство, амнистированные участники кронштадтского мятежа, российские военнопленные и некоторые другие [СУ 1923: №61, ст.584: 1101-1102]. Однако миграционный потенциал этих категорий был незначительным.

В 1925 г. было утверждено положение о въезде в пределы СССР и выезде из пределов СССР [СУ 1925: №37, ст.276: 588]. Это положение означало согласование законодательств союзных республик по вопросу регулирования внешней миграции на всей территории СССР.

Положение о въезде в пределы СССР и о выезде из пределов СССР содержит правила выдачи разрешений на переход государственных границ постоянными жителями пограничной полосы. Заграничные паспорта граждан СССР были разделены на общегражданские, служебные и дипломатические. Особое внимание закон 1925 г. уделил соблюдению правил выдачи общегражданских паспортов лицам призывного возраста [СУ 1925: №37, ст.277: 589-593].

В 1926 г. был существенно повышен консульский сбор за общегражданский заграничный паспорт. Его величина для граждан СССР была установлена в размере 200 руб. Исключением стали лица, проживающие на нетрудовые доходы, и члены их семей. Для этой категории консульский сбор за общегражданский заграничный паспорт был повышен до 300

руб. [СУ 1926: №27, ст.167: 375-376]. Эта мера в 1926 г. сократила миграционный оборот граждан СССР с границей [Осинский (Оболенский) 1928: 122]¹.

Образование СССР и изменение общественно-политической ситуации в стране в конце 1920-х годов отразились на эмиграционной и иммиграционной политике. В эти годы «пропали» немногочисленные публикации, посвященные вопросам эмиграции и иммиграции в СССР. В открытой печати перестали публиковаться законы, регулировавшие внешнюю миграцию. По-видимому, после 1928 г. сократилась выдача разрешений на выезд за рубеж частных лиц. В эти же годы выросло значение трудовой эмиграции и иммиграции квалифицированных рабочих и специалистов.

В середине 1924 г. было утверждено положение о едином союзном гражданстве. Следовательно, для всех граждан советских социалистических республик было установлено единое советское гражданство. Иностранцам, проживавшим на территории СССР, принадлежавшим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству, были доступны все политические права граждан Союза СССР. Правила получения гражданства СССР имели в виду иностранцев, проживавших в СССР. Наиболее простой порядок предоставления гражданства включал отбор иностранцев, имевших трудовые занятия и принадлежавших к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству, а также иностранцев, «ищущих убежища в СССР из-за их преследования за общественную деятельность». Таким лицам губернские и областные исполнительные комитеты, а также ЦИКи союзных республик предоставляли союзное гражданство. Более сложной была процедура получения гражданства иностранцами, проживавшими за границей. В этом случае необходимы были постановления ЦИКов союзных республик и ЦИКа СССР, которые проводились через дипломатические и консульские органы. Выход из союзного гражданства допускался с разрешения ЦИКов союзных республик или ЦИКа СССР. Утратившими гражданство СССР считались лица: а) лишенные гражданства законами союзных республик, изданными до 6 июля 1923 г., или законодательством СССР; б) выехавшие за пределы СССР как с разрешения органов СССР или союзных республик, так и без такого разрешения, и не вернувшиеся; в) вышедшие из союзного гражданства в установленном законом порядке; д) оптировавшие в законном порядке иностранное гражданство [СУ 1924: №23, ст.202: 364-366; Турубинер 1929: 532-534]. В итоге в середине 1920-х годов была сформирована законодательная база, регулировавшая международную миграцию на всей территории СССР, включившая в качестве основы правила получения гражданства СССР и выхода из гражданства СССР.

Учет эмиграции и иммиграции

В 1921 г. были получены первые данные о переходе государственной границы РСФСР, в последующие три года – материалы о выданных разрешениях на въезд и выезд, начиная с 1924 г., – сведения о фактическом отправлении и прибытии через государственную границу

¹ В марте 1926 г. средние основные ставки (без приработков) служащих отдельных должностей (в червонных рублях), в среднем по всем городам СССР, составили 67,6 руб., в том числе в столичных, областных и губернских городах – 74,7 руб. [Решетников 1926: 1-9]. Данные о средней заработной плате должны быть дополнены сведениями о высокой безработице среди «бывших».

СССР [Осинский (Оболенский) 1928: 120]. Статистика миграции через границы СССР была восстановлена в 1924 г. [Корсуновский 1928: 93].

Основным источником данных о международной миграции стали материалы контрольно-пропускных пунктов ОГПУ в виде списков о поездках выбывающих из пределов СССР и прибывающих в СССР. Следовательно, при организации учета международной миграции использовался опыт дореволюционной России. Учет международной миграции в СССР можно оценить как относительно более полный при незначительных, по-видимому, масштабах нелегальной миграции. Опубликованные данные контрольно-пропускных пунктов ОГПУ ограничены 1924-1928 гг., т.е. периодом нэпа. Источником сведений о межконтинентальной миграции из СССР был учет, организованный Совторгфлотом, и статистика стран прибытия иммигрантов из СССР.

Недостатком статистики контрольно-пропускных пунктов на границах СССР была ее некоторая неприспособленность для статистической обработки: значительное число зарегистрированных лиц оказалось неизвестного пола и подданства [Корсуновский 1928: 93]. Отметим также ограниченность социально-демографических характеристик мигрантов, отсутствие данных о социальном составе, районах выхода и др. Такое состояние статистики, объяснявшееся в дореволюционное время недостатками первичного учета, о чем шла речь в первой части нашей статьи, в 1920-е годы противоречит обширной информации, содержащейся в заявлении о выезде (Приложение). Можно предположить, что «либеральный» закон 1922 г. не предусматривал массового движения и считался, по-видимому, временным. Предполагавшиеся в связи с этим ограниченные масштабы международной миграции в СССР не стимулировали глубокое изучение эмиграции и иммиграции и их последствий.

Тенденции эмиграции и иммиграции

Трансформация международной миграции, начавшаяся после 1917 г., продолжилась в 1920-е годы. Первые данные учета о числе разрешений на въезд и выезд показали, что «прежде всего оборот советских граждан с заграницей сильнейшим образом сократился» [Осинский (Оболенский) 1928: 121]. Этот важный вывод, оценивший фундаментальные изменения в характере внешней миграции в советские годы, мы рассмотрим ниже. В данном случае отметим текущие тенденции миграции, выявленные учетом миграции и выразившиеся в существенном росте масштабов движения на границах СССР после 1922 г.

По данным контрольно-пропускных пунктов миграционный оборот на границах СССР в 1924 г. составил 150 817 человек, в 1925 г. – 187 451, в 1926 г. – 194 372, в 1927 г. – 253 642, в 1928 г. – 275 871. За эти годы число прибывших в СССР выросло с 65 586 в 1924 г. до 131 429 в 1928 г., число выбывших – с 85 231 в 1924 г. до 144 442 в 1928 г. [Корсуновский 1928: 93; 1929а: 104].

Динамика и структура миграции были тесно связаны с характеристиками мигрантов, прежде всего с их подданством (таблица 1.).

Таблица 1. Динамика международной миграции граждан СССР и иностранных подданных в СССР за 1921-1928 гг., тыс.

Год	Граждане СССР			Иностранные подданные		
	въехало	выехало	сальдо миграции	въехало	выехало	сальдо миграции
1921	111,8	4,4	107,4	0,2	159,2	-159,0
1922	8,6	10,7	-2,1	4,0	312,8	-308,8
1923	29,8	50,7	-20,9	18,6	25,1	-6,5
1924	32,1	40,0	-7,9	25,8	32,2	-6,4
1925	40,1	46,9	-6,9	40,5	36,8	3,7
1926	38,1	39,4	1,3	57,1	41,2	15,9
1927	55,5	55,6	-0,1	61,8	55,9	5,9
1928	60,1	68,5	-8,4	69,3	74,6	-5,3

Источники: [Осинский (Оболенский) 1928: 121,124; Корсуновский 1928: 94].

Примечание: Сведения за 1921-1923 гг. показывают число выданных разрешений на выезд за рубеж. Данные за 1928 г. рассчитаны по [Корсуновский 1928: 94; 1929а: 104].

Несмотря на хронологически короткий период наблюдения, заметны различия в динамике миграции за 1921-1928 гг. Реэмиграция в РСФСР части военнопленных и амнистированных участников боевых действий определила положительное сальдо внешней миграции в 1921 г. Массовый отток иностранных подданных из РСФСР произошел в 1921-1922 гг.: величина отрицательного сальдо миграции составила 467,8 тыс. человек. Следовательно, предложенные условия получения иностранными подданными российского гражданства, о которых шла речь в предыдущей части нашей статьи, оказались для значительной части иностранцев неприемлемыми. На этом фоне масштабы и результаты движения иностранных подданных в последующие годы можно оценить как незначительные. В то же время масштабы движения граждан СССР заметно выросли в 1923 г. и с некоторыми колебаниями увеличивались в последующие годы. Итоги движения граждан СССР, судя по сальдо миграции, были, как правило, отрицательными.

Всего за 1922-1928 гг. выехало из СССР 250 419 граждан СССР, въехало 225 943 человек, сальдо миграции составило 24 476 человек. Показатели движения иностранных подданных были соответственно 240 669, 254 487, +13 818 человек. В 1928 г. миграционный прирост этих двух групп стал отрицательным (соответственно -8332 и -5332 человека) [Корсуновский 1929а: 104]. Несмотря на небольшие величины, итоги 1928 г. характеризуют изменения в тенденциях международного движения на границах СССР. Судя по отрицательному сальдо миграции граждан СССР, часть из них воспользовалась законом 1922 г. и покинула СССР в течение 1922-1928 гг. Последние опубликованные данные о международной миграции в СССР за 1928 г. совпали с ликвидацией нэпа. В целом итоги за 1922-1928 гг. свидетельствуют о преемственности с довоенными тенденциями внешней миграции России – оттоке населения из России и СССР.

Одновременно с ростом эмиграционной активности граждан СССР и иностранных подданных в составе мигрантов происходили структурные сдвиги. Среди прибывших в СССР преобладали иностранные подданные, среди выбывших – граждане СССР. Соотношение этих групп в 1924-1928 гг. менялось в сторону повышения удельного веса иностранных подданных. Удельный вес граждан СССР среди выбывших снизился с 55,4% в 1924 г. до 47,9% в 1928 г., среди прибывших – с 55,5 до 46,5% [Корсуновский 1929а: 104].

Такая динамика международной миграции была нехарактерна для дореволюционной России. Во второй половине 1920-х годов она отразила усложнявшиеся условия выезда граждан СССР, особенно после 1926 г., когда, как отмечалось выше, заметно выросла величина консульского сбора на загранпаспорт, а также появилось значительное число невозвращенцев среди граждан СССР, совершавших частные поездки. Статистика контрольно-пропускных пунктов позволяет рассмотреть другой аспект движения на границах СССР: миграцию лиц с краткосрочной и долгосрочной визой. Первая группа (с краткосрочной визой) включает широкий круг лиц, пересекавших границу по визе дипломатической, транзитной, служебной, с удостоверениям НКПС и др. В эту группу были включены также экскурсанты, члены делегаций, жители пограничной полосы, возчики грузов и т.д. Все остальные лица, пересекавшие границу, составили долгосрочную группу. С точки зрения более точного определения характера поездок, перечисленные выше признаки разделения пассажиров оценивались как недостаточные. На их основе нельзя было выделить лиц, совершавших миграцию с целью прочного водворения на новом месте, и лиц, пересекавших границу для выполнения отдельных поручений и т.д. [Корсуновский 1928: 93]. Заметим, что в составе мигрантов не были выделены лица, совершавшие частные поездки, получившие или восстановившие гражданство СССР и др. И все же сведения о долгосрочных и краткосрочных мигрантах представляют несомненный интерес (таблица 2).

Таблица 2. Движение через границы СССР пассажиров в зависимости от характера поездок за 1924-1928 гг., чел.

Год	Движение через границы СССР в зависимости от характера поездок			
	выбывшие		прибывшие	
	долгосрочные	краткосрочные	долгосрочные	краткосрочные
1924	71850	13381	56780	8806
1925	82709	14445	68225	22072
1926	67925	23033	80218	23196
1927	72094	52029	65384	64135
1928	87524	56919	71711	59918

Источники: [Корсуновский 1928: 93; 1929а: 104].

Если принять во внимание отмеченную выше сложную структуру краткосрочных поездок, связанную в основном с выполнением государственных функций, то неудивительно быстрое абсолютное и относительное увеличение этой группы в общем числе прибывших и выбывших: с 22 187 человек в 1924 г. до 116 838 в 1928 г. (с 14,7 до 42,4%). Такая динамика подтверждает причины «либерализации» законов, регулировавших международную миграцию в СССР (расширение экономических, торговых и других отношений СССР с зарубежными странами). В то же время снижение удельного веса долгосрочных поездок можно оценить как результат политики ограничения этого вида передвижения.

Характер поездок определил состав мигрантов, прежде всего абсолютное и относительное преобладание мужчин. За 1924-1928 гг. удельный вес мужчин в составе прибывших в СССР составил 78,4%, женщин – 18,8%, неизвестного пола – 2,8%. Повышение удельного веса мужчин в 1928 г. до 82,5% соответствует отмеченному выше росту краткосрочных поездок, носивших, как правило, деловой или служебный характер.

Дифференциация демографических показателей зависела от характера поездок и направления миграционных потоков. Большинство женщин и детей пересекали европейскую границу по долгосрочной визе. В 1928 г. на европейской границе число женщин на 100 мужчин среди выбывавших по долгосрочной визе составило 76,4, в краткосрочных поездках – 9,6, на азиатской границе – соответственно 23,9 и 2,7. Хотя удельный вес женщин в составе выбывавших на азиатской границе был низким, но и здесь доля женщин была более высокой при поездках по долгосрочным визам. Состав мигрантов, зарегистрированных на европейской границе, отличала также более высокая роль группы в возрасте до 16 лет, особенно в составе выбывших по долгосрочным визам. В 1928 г. на европейской границе на 100 выбывавших взрослых приходилось 16,0 в возрасте до 16 лет, среди прибывших – 8,8, в том числе по долгосрочным визам этот показатель был соответственно 21,4 и 3,8. На азиатской границе рассматриваемые показатели были существенно ниже. Но и здесь доля детей также была выше у лиц, имевших долгосрочные визы (14,5 и 3,3) [Корсуновский 1929а: 104-105]. Рассмотренные выше демографические показатели можно интерпретировать как свидетельство эмиграции граждан СССР преимущественно через европейскую границу по долгосрочным визам с большим участием женщин и детей и, возможно, семей.

Изменившийся характер международной миграции в 1920-е годы подтверждает география миграционных потоков, отчетливо проявившаяся в возросшей роли азиатского направления. Так, в 1926 г. среди прибывших в СССР 41,6 тыс. были зарегистрированы на европейской границе, 52,8 тыс. – на азиатской, среди выбывших эти показатели составили соответственно 47,2 и 43,7 тыс. [Корсуновский 1928: 95]. Еще большее значение азиатского направления было зафиксировано в 1928 г. В то время как на европейской границе было зарегистрировано 50,5 тыс. прибывших в СССР, на азиатской – 81,1 тыс., выбывших – соответственно 59,5 и 84,9 тыс. [Корсуновский 1929а: 107].

Возросшую роль азиатского направления в 1920-е годы подтверждает подданство мигрантов (таблица 3).

Таблица 3. Подданство прибывших в СССР и выбывших из СССР в 1928 г., чел.

	Прибывшие			Выбывшие		
	долгосрочные	краткосрочные	итого	долгосрочные	краткосрочные	итого
СССР	21689	38477	60166	29365	39133	68498
Германия	4959	1735	6694	5179	1442	6621
Китай	21948	1644	23592	16211	1564	17775
Латвия	3162	2165	5327	3109	2077	5186
Литва	1126	28	2264	533	27	560
Персия	1557	7173	8730	12536	5750	18286
Польша	2629	254	2863	2101	340	2442
США	1524	347	1871	1699	231	1920
Турция	629	1670	2299	1702	1207	2909
Чехословакия	1149	100	1249	1491	74	1565
Эстония	1184	467	1651	967	545	1512
Япония	2427	1647	4074	2461	1047	3508

Источник: [Корсуновский 1929а: 106].

В таблице 3 показаны основные миграционные связи СССР. Обращает на себя внимание значительный поток в СССР граждан Китая. Он отразил влияние китайской

диаспоры на Дальнем Востоке, а также расширявшиеся связи ВКП(б) и Коминтерна с КП Китая, рост подготовки кадров из Китая в учебных заведениях СССР. Значительное число подданных Персии, как утверждают современники, стало следствием транзита пассажиров из этой страны через РСФСР в Европу, а также сокращения их занятости в районе добычи нефти в Баку. В 1920-е годы возобновились связи с Германией, столь значимые для России в довоенное время. В то же время миграционные потоки выбывших из СССР характеризуют их тесную связь с расселением «белой эмиграции», частично осевшей в Берлине, и оптацией населения. Поэтому в 1920-е годы значимыми были потоки между СССР и странами Балтии, Чехословакией. В то же время незначительные показатели миграционных потоков между СССР и Францией, где осела значительная часть первой волны эмигрантов, наводит на мысль о том, что страны, названные при оформлении документов, могли быть промежуточными при движении части эмигрантов из СССР в Европу.

Межконтинентальная миграция

Коренные изменения в межконтинентальной миграции стали также заметной особенностью трансформации международной миграции в 1920-е годы. Напомним, что тенденции международной миграции, рассмотренные в первой части нашей статьи, характеризуют довоенную Россию как страну значительной по масштабам эмиграции, прежде всего в США. Изменившаяся ситуация в послевоенном мире проявилась в законах, ограничивавших иммиграцию. Так, в соответствии с законами США 1921 и 1924 гг. последовательно сокращались квоты для иммиграции, в том числе и для «русских». В эти же годы выросла роль Канады как страны иммиграции.

Частичное возобновление межконтинентальной (заокеанской) эмиграции из СССР было связано с предоставленным правительством СССР в 1925 г. исключительным правом Совторгфлоту на перевозки эмигрантов, следующих за границу морским или смешанным железнодорожным и морским путем в Австралию, Северную и Южную Америку, Африку и Палестину. Заполнение регистрационных карточек Совторгфлота всеми пассажирами было обязательным правилом перед отъездом в указанные страны. Но в регистрационной карточке отсутствовали сведения о составе пассажиров – их возрасте, цели поездки и т.д. Проданные билеты, дополнявшие регистрационные карточки, могли означать передвижение лиц, не относившихся к эмигрантам, – командированных, туристско-иностранцев, возвращавшихся на родину, и т.д. С учетом вышесказанного для оценки эмиграции из СССР на «постоянное проживание» в других странах востребованными в 1920-е годы, как и в дореволюционной России, остались иностранные источники (таблица 4).

Как видим, заокеанскую эмиграцию из СССР в 1924-1927 гг. отличают незначительные масштабы и тенденция к их снижению. Вопрос о заокеанской эмиграции был «закрыт» в 1927 г. В отличие от массовой довоенной эмиграции в США в 1920-е годы в эмиграции из СССР выросла роль Аргентины, Канады, Палестины. Но и данные таблицы 4 нельзя считать корректными – в них расходятся календарные сроки отчетности и время прибытия эмигрантов. Учет прибывших из СССР, зарегистрированных как «русские», в действительности мог означать «русских», прибывших из государств, возникших на территории бывшей Российской империи.

Таблица 4. Распределение эмигрантов из СССР по странам прибытия (по материалам статистики неевропейских стран), чел.

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Южная Африка	86	178	74	103
Аргентина	1756	1530	1210	1134
Австралия	317	-	-	-
Бразилия	594	820	1141	634
Канада	9296	1031	1074	1092
Куба	191	591	227	240
США	1446	1888	1537	1236
Мексика	-	516	397	-
Новая Зеландия	2	15	6	-
Палестина	2661	6726	1517	557
Итого	16349	13295	7191	4999

Источник: [Корсуновский 1929b: 112].

В итоге, по данным статистики эмиграции СССР за 1925-1928 гг., число эмигрантов из СССР, прибывших в Канаду, составило 16 514 человек, США – 6 748, Аргентину – 2 613, Уругвай – 2 213, Мексику – 1 930, Бразилию – 1 131. По материалам статистики неевропейских стран, за 1924-1927 гг. в Палестину прибыло около 10 тыс. эмигрантов из СССР. В составе эмигрантов, допущенных в США, преобладали лица в возрасте 16-44 года. Высокая доля женщин и детей в их составе может означать преобладание семейной иммиграции. В отличие от довоенной эмиграции из России, характеризовавшейся массовым движением беднейшего еврейского населения, в составе эмигрантов из СССР участвовали зажиточные городские и сельские жители. Основным районом выхода эмигрантов была Украина. Важная роль родственных связей проявилась в способе оплаты проезда. В 1925 г. основная часть эмигрантов (62%) оплатила проезд за собственный счет. В 1928 г. преобладали эмигранты, билеты которым купили родственники или благотворительные организации, находившиеся за океаном [Корсуновский 1929b: 112]. Как видим, политика государства в короткие сроки «решила» проблему заокеанской эмиграции, закрыв движение.

Об оценке миграционного потенциала

Процитированная выше оценка В.В. Осинского (Оболенского) о большом сокращении миграционного оборота населения СССР с границей в 1920-е годы по сравнению с довоенным временем свидетельствует о контроле за этим процессом, означавшем строгое ограничение масштабов и состава миграции. Основным инструментом такой политики стали законы, регулировавшие движение советских подданных через границы СССР.

Особенности статистики контрольно-пропускных пунктов, учитывавшей приграничный обмен населения и различные временные виды миграции, означают, строго говоря, невозможность сопоставления показателей международной миграции в СССР в 1920-е годы с довоенными данными. В то же время в середине 1920-х годов стали очевидными изменения в составе населения СССР, произошедшие под влиянием эмиграции после октября 1917 г. Напомним, что в составе населения, родившегося за границей, Всесоюзная перепись населения 1926 г. учитывала две группы: родившихся в пределах бывшей Российской империи и за ее пределами. Общая численность этих двух групп составила 1793,4 тыс. человек (1,2% населения СССР). Преобладающей по

численности была группа родившихся в пределах бывшей Российской империи (1122,7 тыс.). Ее величина характеризует потенциальных оптантов, не сумевших или не захотевших в силу различных причин воспользоваться правом оптации, предусмотренным соответствующими договорами РСФСР с Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией в конце 1910-х – начале 1920-х годов. Численность второй группы (родившихся за пределами Российской империи) составила 580,5 тыс. человек. Абсолютное большинство родившихся за пределами Российской империи были учтены в РСФСР (303,5 тыс.) и в УССР (182,3 тыс.) [Всесоюзная перепись... 1931: 110].

Сравнение переписей 1926 г. и 1897 г., пересчитанной для территории СССР, выявило изменения в численности и составе подданных различных государств, проживавших в России (СССР). В 1897 г. в России было учтено 64,7 тыс. подданных Германии, в 1926 г. их было 8,0 тыс., Австро-Венгрии (Австрии, Чехословакии, Венгрии) – соответственно 35,9 тыс. и 12,5 тыс., Англии – 7,5 тыс. и 0,5 тыс., Франции – 7,9 тыс. и 0,7 тыс., Греции – 10,8 тыс. и 46,0 тыс., Европы в целом – 144,5 тыс. и 77,7 тыс. В то же время число подданных азиатских государств увеличилось с 256,0 тыс. до 285,3 тыс., в том числе Китая – с 47,6 тыс. до 81,8 тыс., Кореи – с 12,9 тыс. до 84,0 тыс. [Осинский (Оболенский) 1928: 126]. Следовательно, как и данные текущего учета, материалы переписи населения 1926 г. подтвердили резкое сокращение после октября 1917 г. участие подданных западноевропейских стран в формировании населения СССР.

Более сложным оказался вопрос о причинах сокращения внешнего миграционного оборота в СССР в 1920-е годы по сравнению с довоенной Россией. Несмотря на очевидность ответа на этот вопрос, необходимо было обосновать текущую и будущую политику в области эмиграции. В.В. Осинский (Оболенский)² объясняет сокращение миграционного оборота отделением от СССР западных районов Российской империи с более высокой эмиграционной активностью жителей в довоенные годы, ссылается также на предпосылки уменьшения так называемой еврейской эмиграции, связанные с отменой «черты оседлости». Сокращение внешнего миграционного оборота объясняется также ликвидацией помещичьего землевладения, в результате которой крестьяне, в основном малоземельные, увеличили свои наделы. Принимая во внимание такие доводы, нельзя не заметить, что результаты земельных преобразований после октября 1917 г. оценивались по-разному, поскольку в целом крестьянские наделы в стране увеличились незначительно. Более существенным был выигрыш крестьян в результате ликвидации различного рода платежей за землю. Правда, степень участия российских крестьян в дореволюционной эмиграции была существенно ниже по сравнению с населением западных и юго-западных районов России. Только накануне Первой мировой войны был отмечен рост участия русских крестьян в сезонной эмиграции в США.

Отмечая понятную и, возможно, вынужденную позицию В.В. Осинского (Оболенского), обратим внимание на социально-экономический контекст, изменившийся в 1920-е годы причины реальной и потенциальной эмиграции. Наряду с аграрным перенаселением, причинами эмиграции могли быть экономический упадок, высокий

² С февраля 1926 г. по ноябрь 1929 г. В.В. Осинский (Оболенский) был управляющим ЦСУ СССР.

уровень городской безработицы, острый жилищный кризис в городах, низкий уровень жизни населения. Важным фактором потенциальной эмиграции была сложность выживания и интеграции в новое общество отдельных (так называемых «бывших») слоев общества, политика их принудительной маргинализации («лишенцы» и др.). Существенным фактором эмиграции был разрыв родственных и семейных связей вследствие огромной по величине первой волны эмиграции. В литературе 1920-х годов обращается внимание на новый характер расселения евреев после отмены «черты оседлости» как «антиэмиграционный» фактор. В то же время нельзя исключить влияние на эмиграцию антисемитизма и при новом расселении. По косвенным данным, среди эмигрировавших в 1922-1924 гг. по-прежнему было много евреев, эмиграция которых определялась хозяйственным упадком, воспоминаниями о погромах, перенесенных во время Первой мировой и Гражданской войн [Осинский (Оболенский) 1928: 122].

С точки зрения потенциальной эмиграции, обратим внимание на положение молодежи, особенно непролетарской, стремившейся получить высшее образование. Речь идет об одной из особенностей высшей школы в 1920-е годы: гипертрофированном классовом подходе, пронизывавшем все стороны жизнедеятельности студенчества – от комплектования вузов до организации учебно-воспитательного процесса и решения бытовых проблем [Рожков 2014: 507]. Распространенная в это время практика предоставления «путевок» в вуз означала возможность вертикальной социальной мобильности или, наоборот, отсутствие таковой для значительного числа желающих и способных учиться в высшей школе, но не способных преодолеть «классовый фильтр».

Краснодарская студентка в письме к брату не советовала ему возвращаться в СССР: «Тебе трудно представить, что ждет тебя здесь [...]. Ведь там ты можешь учиться, там больше считаются с тобой, чем будут считаться здесь. Если же у тебя есть еще и желание окончить институт, то прежде, чем ехать сюда, распрощайся с этой мыслью. Ведь в высшую школу у нас попадают, как говорят, счастливицы {...}. Здесь большая часть студенчества настроена так, что хотя бы сегодня уехать (за границу - А.Р.)» [Рожков 2014: 208].

Как видим, результатами политики в 1920-е годы стали незначительные по сравнению с довоенным временем масштабы движения граждан СССР за границу. Главным итогом стала разработка политики, означавшей фактическую закрытость страны, противостоявшей значительному эмиграционному потенциалу.

ОПЫТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ИММИГРАЦИИ

Согласно официальным документам, одним из направлений иммиграционной политики РСФСР (СССР) в 1920-е годы стало регулирование промышленной и сельскохозяйственной иммиграции. Фактически решался вопрос о перспективах сельскохозяйственной иммиграции в СССР.

Первые законы, регулировавшие это движение, были опубликованы в 1922 г. Статистика сельскохозяйственной и промышленной иммиграции не проясняет причины движения в аграрно-перенаселенную страну, разоренную войнами и революцией, но сохранившую, по-видимому, привлекательность в силу своего «многоземелья». Сведения о

сельскохозяйственных иммигрантах также не объясняют это явление. В составе иммигрантов, в частности, не были выделены реэмигранты. Гипотетически движение сельскохозяйственных эмигрантов и реэмигрантов могло стать вторым по значению в истории России событием после эмиграции, происходившей в конце XVIII – начале XIX века в Новороссию и Поволжье и получившей название «иностранный колонизации». Напомним, что в отечественной литературе в конце XIX – начале XX века «иностранный колонизация» получила противоречивые оценки [Моисеенко 2008: 239-246].

Говоря о факторах, определивших сельскохозяйственную эмиграцию в 1920-е годы, отметим влияние Конституции РСФСР 1918 г., провозгласившей открытость республики, о чем шла речь выше в предыдущей части нашей статьи. Современники объясняли сельскохозяйственную иммиграцию в РСФСР экономическими причинами, «симпатией трудящихся масс Западной Европы и Америки к СССР», а также большим числом выходцев из России на территории США, Канады, Австралии [Градов 1926: 17-19]. Последняя причина выглядит особенно убедительной: характерной чертой эмиграции в дореволюционной России были значительные масштабы возвратного движения. Очевидно, что прерванные в 1914-1921 гг. миграционные связи способствовали формированию значительного числа реэмигрантов в РСФСР (СССР), возвращение которых могли стимулировать земельные преобразования в стране, введение нэпа, родственные связи и др.

Противоречивое отношение государства к сельскохозяйственной и промышленной иммиграции проявилось в начале 1920-х годов. Так, в 1921 г. были приняты ограничения в отношении промышленной и сельскохозяйственной иммиграции, не опубликованные в открытой печати. В мае 1922 г. был снова поставлен вопрос о «максимальном сокращении иммиграций». К въезду в РСФСР допускались «только те группы рабочих, относительно которых имелась полная гарантия того, что они найдут необходимый заработок на территории Республики». Справедливость такой позиции объяснима: она отразила стремление предотвратить возможное влияние иммиграции на рост городской безработицы. Беспрепятственный въезд в Россию был разрешен промышленным и сельскохозяйственным группам, организованным в Америке под руководством Подотдела отдела промышленной иммиграции при ВСНХ по согласованию с НКТ РСФСР, т.е. контроль за передвижением был поставлен в районе выхода иммигрантов [СУ 1950: №37, ст.440: 838].

В конце 1922 г. вопросы «урегулирования и содействия промышленной и сельскохозяйственной иммиграции» были переданы в ведение постоянной комиссии Совета по труду и обороне (СТО). Задача постоянной комиссии СТО состояла в «установлении и привлечении желательных для РСФСР сельскохозяйственных и промышленных групп иммигрантов и реэмигрантов», подготовке для них сельскохозяйственных и промышленных предприятий, а также пустующих земель. Комиссия должна была организовывать въезд, оформление в таможне и транспортировку иммигрантов и ввозимой ими техники и имущества, содействовать предоставлению кредитов иммигрантам и др. В ее задачу входила также борьба с нелегальной (т.е. не проходящей через комиссию) сельскохозяйственной иммиграцией в РСФСР [СУ 1950: №79, ст.997: 1795].

В последующие годы цели политики государства в отношении иммиграции и реэмиграции уточнялись и конкретизировались. С помощью иммиграции и реэмиграции намечалось поднять и развить сельское хозяйство в многоземельных и окраинных районах путем создания его рациональных форм. НКЗ РСФСР было поручено выделить для иммигрантов 220 тыс. десятин земли на юго-востоке Европейской части РСФСР и в Поволжье. Сельскохозяйственные эмигранты должны были иметь основной и оборотный капитал, обеспечивающий организацию и ведение хозяйства. Земельные участки предоставлялись исключительно на договорных началах. В 1923 г. трудовым сельскохозяйственным иммигрантам и реэмигрантам были предоставлены льготы по продналогу, отбыванию воинской повинности (наравне с переселенцами), взиманию таможенных пошлин на ввозимые сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения и др. [СУ 1923: №10, ст.128: 224-225].

В 1925 г. перед постоянной комиссией СТО была поставлена задача разработать общий план сельскохозяйственной и промышленной иммиграции. Для иммигрантов были расширены некоторые виды льгот. В их числе – льготы для проезда по железнодорожному и водному транспорту, которые стали одинаковыми с переселенцами в СССР. Льготы по отбыванию обязательной военной службы были увязаны с принятием иммигрантами советского гражданства. Предстояло (по согласованию с ЦСУ СССР) организовать учет и статистику иммиграции и эмиграции [СУ 1925: №16, ст.119: 197-199].

Следовательно, в середине 1920-х годов сформировались основы политики в области сельскохозяйственной иммиграции в СССР.

Наряду с другими мероприятиями по подъему и развитию сельского хозяйства, известный ученый в области переселения крестьян и колонизации В.П. Вошинин в 1923 г. положительно оценил первые результаты и перспективы иммиграции и реэмиграции в РСФСР, преимущественно из США, где находилось много русских иммигрантов, «ныне стремящихся на родину». Первый опыт привлечения иммигрантов показал, что американские сельскохозяйственные артели и коммуны, ввозя достаточный оборотный капитал, тракторы, специальные установки и др., «сразу же ставят дело на надлежащую высоту». Члены Первой американской коммуны в Тамбовской губернии в течение одного года смогли наладить образцовое хозяйство и установить тесный контакт с окружающим населением. В то же время местные власти, по мнению В.П. Вошинина, должны были оказывать иммигрантам самое активное содействие для «правильной постановки иммиграционного дела» с учетом того, что в северной и южной Америке, Канаде, Германии, Венгрии, Чехословакии, Италии, Швейцарии и других странах образовывались специальные общества и коллективы для переселения в Россию. Одна из серьезных проблем иммиграции, как и во второй половине XVIII века, состояла в правильном подборе иммигрантов. В то же время ряд предпосылок, по мнению В.П. Вошинина, суживали сферу применения сельскохозяйственной иммиграции. Необходимо было осторожное отношение к каждому отдельному случаю, так как «всякий неуспех немедленно детонирует за границей» [Вошинин 1923: 3-4].

Опубликованные данные свидетельствуют о привлекательности СССР для значительного числа иммигрантов. За 1922-1925 гг. в постоянную комиссию СТО

поступили заявления от 83 сельскохозяйственных групп, объединивших 410 тыс. человек. Разрешено было переселиться 21 группе с общим числом 2689 человек. В числе иммигрантов были прибывшие из США и Канады (70%), Германии, Чехословакии и Швейцарии (30%). Столь значительная диспропорция между заявками и фактической иммиграцией отразила, по-видимому, сдержанно-ограничительное отношение к этому явлению и большие требования к составу эмигрантов. Последний факт подтверждает высокая оснащенность принятых иммигрантов техникой (сельскохозяйственными орудиями и инвентарем на сумму 2249 тыс. руб.), предметами домашнего обихода (на сумму 1665 тыс. руб.) и значительные размеры наличных денег (621 тыс. руб.). Иммигранты были расселены в РСФСР и УССР: на Северном Кавказе, в Тамбовской, Ульяновской, Московской губерниях, в Кара-Киргизской автономной области. Среднее число иммигрантов, образовавших коммуны, превышало 100 человек. Обеспеченность едока землей в таких коммунах была выше по сравнению с местным населением. За короткое время коммуны построили мельницы, кузницы и другие предприятия и мастерские. Стремление к полной механизации производства в хозяйствах иммигрантов сочеталось с быстрым развитием животноводства. В итоге урожаи зерновых, полученные в ряде коммун иммигрантов, оказались существенно выше по сравнению с хозяйствами местного населения. Так, в 1924 г. в коммуне «Сеятель» Сальского округа Северного Кавказа урожай озимой пшеницы в коммуне составил 92,6 пудов с десятины, в крестьянских хозяйствах – 4,4, пшеницы яровой – соответственно 40,0 и 4,6, ячменя – 8,3 и 7,6, ржи – 53,0 и 4,0 и т.д. Коммуны иммигрантов оказывали содействие местному населению советами и примером, помогали беднейшим крестьянам в обработке земли и т.д. Автор цитируемой статьи М. Градов отмечает, что существование крупных механизированных хозяйств и результаты их работы «оказывали сильное влияние на ту часть населения, которая заинтересована в новых начинаниях коммун. Среди недостатков работы коммун отмечается уравнительность в оплате труда. В 1926 г. перспективы коммун сельскохозяйственных иммигрантов оценивались оптимистически: они должны были стать организационно, технически и хозяйственно образцовыми культурно-показательными центрами для своего района. Правда, как считал М. Градов, такая роль со временем должна была уменьшиться под влиянием роста производительности и оснащенности сельского хозяйства страны. Перспективы сельскохозяйственной иммиграции были признаны частью политики НКЗ по переселению в стране. В то же время предлагалось ликвидировать специальный иммигрантский земельный фонд [Градов 1926: 17-19]³.

Как видим, позиция постоянной комиссии СТО отразила противоречивое отношение к сельскохозяйственной иммиграции. Коммуны иммигрантов размещались в густонаселенных сельскохозяйственных районах, откуда шло переселение крестьян за Урал. В этих районах, как и во всей стране, усиливалась дифференциация крестьянства, нарастали социальные противоречия в деревне. В этих условиях хозяйства иммигрантов становились дополнительным источником социальной напряженности в деревне. Они «не вписывались» в аграрную политику конца 1920-х годов, включавшую увеличивавшиеся налоги на крупные крестьянские хозяйства и др. Коммуны иммигрантов оказались

³ По материалам комиссий по иммиграции СТО.

несовместимыми с коллективизацией. Поэтому ликвидация нэпа завершила период сельскохозяйственной иммиграции и реэмиграции. В 1927 г. постоянная комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции была упразднена. Вопрос о приглашении сельскохозяйственных коллективов из-за границы и разработке правил иммиграции был снят с повестки работы союзного руководства и передан в ведение СНК союзных республик. Индустриализация страны внесла принципиальные изменения в политику иммиграции: первостепенными стали вопросы обеспечения тяжелой индустрии квалифицированными кадрами. Для этого предстояло разработать номенклатуру специальностей и квалификаций работников, приглашение которых было целесообразно для работы в промышленности из-за рубежа, даже «целых промышленных коллективов» [СУ 1927: №10, ст.95: 235-236]. Начиная с 1927 г., ВСНХ СССР должен был ежегодно составлять план заграничных командировок работников промышленности, находящейся в ведении ВСНХ СССР и союзных республик. Задачи работников, командированных на заграничные предприятия, состояли в изучении постановки и организации производства и ознакомлении с достижениями техники, закупке оборудования, повышении квалификации. Особое внимание обращалось на обсуждение отчетов командированных за границу – отчеты необходимо как можно полнее использовать и широко распространять сведения о постановке производства и достижениях техники за границей [СУ 1927: №24, ст.265: 520-522]. Принятые законы означали принципиальные изменения в иммиграционной политике СССР. На первый план были поставлены интересы индустриализации страны.

ЭМИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Индустриализация в конце 1920-е годов была основной задачей и целью экономической политики, суть которой состояла в обеспечении преимущественного формирования отраслей промышленности по сравнению с сельским хозяйством и содействии приоритетному развитию тяжелой индустрии по отношению к отраслям легкой промышленности [Рогалина 2007: 127]. Как ключевое событие социально-экономической жизни страны индустриализация определила динамику внутренней и международной миграции в СССР. Особенностью международной миграции стала возросшая роль экономической функции, обеспечивавшей перераспределение квалифицированной рабочей силы.

Международная миграция в СССР была тесно связана с созданием иностранных концессий. Но в результате возникших в 1929 г. затруднений в согласовании темпов экономического развития страны и плана и размера привлечения иностранного капитала постепенно снизился интерес к концессиям. Другими каналами международной миграции в СССР стали приток иностранных специалистов и квалифицированных рабочих и, как отмечалось выше, подготовка отечественных кадров за рубежом. Заметим, что задача привлечения иностранных техников и обучение отечественных техников за границей, а также подготовка инженеров-экспертов за границей была поставлена на повестку дня в 1925 г. [Индустриализация Советского Союза... 1999: 203].

В конце 1920-х годов большое внимание уделялось подготовке отечественных квалифицированных кадров за рубежом – в первую очередь для тяжелой промышленности и электроэнергетики.

В 1928 г. служащие Главного электротехнического управления (Днепрогэса) были командированы за границу для получения консультаций, ознакомления с техническими усовершенствованиями, изучения специальных вопросов, производства заказов и получения таковых [Извлечение из... 1928: 454]. Одновременно значительное число молодых инженеров были командированы на практику за границу на продолжительный срок (от одного до трех лет).

Кратковременная эмиграция на заграничные предприятия (на 3-4 месяца) отечественных инженеров, мастеров и высококвалифицированных рабочих рассматривалась как наиболее эффективное средство использования технического опыта иностранных фирм. Но сокращение ассигнований на командировки (при условии больших затрат золотых рублей на договора по техническому содействию и на закупку заграничного оборудования) наносили «большой материальный вред и тормозили своевременную и полную наладку и освоение ряда новых отраслей промышленности, в особенности военного и оборонного значения. По данным на 1 декабря 1933 г. из 2572 командированных за границу 17,7% были работниками черной и цветной металлургии, 43% – машиностроения, 8,4% – химической промышленности, 8,1% – военной промышленности и т.д. [Индустриализация Советского Союза... 1999: 260-261].

С ростом капиталовложений в промышленность СССР в рамках первого пятилетнего плана привлечение зарубежных специалистов рассматривалось как необходимое условие рационализации производства, его проектирования, консультации наиболее крупных строек [СУ 1928: №33, ст.297: 634-651]. С учетом этого в 1928 г. были отмечены недостатки в привлечении иностранных специалистов на предприятия ВСНХ и НКПС – «не только крупных специалистов с крупным именем, но и специалистов, имеющих достаточный опыт и знание европейской техники». Ориентировочное число необходимых иностранных специалистов на предприятиях СССР в 1929-1930 гг. оценивалось от 1000 до 3000 [Индустриализация Советского Союза... 1999: 233-234].

В то же время в практике привлечения иностранных специалистов были отмечены крупные недостатки.

В письме американского рабочего Фердинанда Демута в ЦК профсоюза строительных рабочих в 1930 г. речь идет о машинах, приобретенных американскими рабочими для производства оконных рам и дверей «на свои последние сбережения» и оставшихся неиспользованными, в то время как американские рабочие были вынуждены работать «русскими методами на изношенных устаревших механизмах», бездейственно слоняться по стройке в ожидании материалов или же заниматься соскабливанием ржавчины с машин, «привезенных ими в качестве подарка пролетариату СССР». Письмо, направленное в соответствующий строительный трест, осталось без ответа [Индустриализация Советского Союза... 1999: 235-236].

На ряде предприятий была высокой текучесть кадров иностранных специалистов из-за неудовлетворительных бытовых условий.

Вместе с тем важным стало признание коллегии Наркомтяжпрома СССР в 1933 г.: подавляющее большинство работающих в тяжелой промышленности иностранных рабочих и инженеров оказали существенную помощь в строительстве, пуске и освоении новых видов производств на крупнейших гигантах. В их число вошли Магнитострой, Кузнецкстрой, ХТЗ, СТС, ГАЗ им. Молотова, автозавод им. Сталина, Электрокомбинат, Электроаппарат, Челябинский ферросплавный, Электросталь, Красноуральский медеплавильный завод и др. Не менее значительной была признана помощь иностранных кадров в обучении персонала, обслуживавшего дорогостоящее импортное оборудование [Индустриализация Советского Союза... 1999: 246].

Как видим, процесс трансформации международной миграции, начавшийся после октября 1917 г., продолжился в 1920-е годы. В силу социально-экономических и политических причин государство поставило эти процессы под жесткий контроль, не допускавший массовой эмиграции или иммиграции.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что вопросы эмиграции и иммиграции заняли важное место в политике советского государства в 1920-е годы, в определении ее стратегии. Международная миграция, несмотря на существенно сократившиеся по сравнению с дореволюционным временем масштабы, рассматривалась как важный фактор, влиявший на общественные отношения и политическую стабильность общества. С этих позиций решались вопросы регулирования международной миграции, несмотря на декларации об открытости страны. В числе таких вопросов было отношение к «белой эмиграции», иностранцам, оказавшимся после октября 1917 г. на территории РСФСР, иммиграции русских военнопленных и интернированных после окончания Первой мировой войны, оптации вследствие распада Российской империи и образования новых государств на территории Российской империи. Провозглашенная «открытость» РСФСР для некоторых групп иностранцев сменилась регулированием их притока, исходя из внутренних экономических, политических и других интересов. Так, обозначившиеся противоречия между характером сельскохозяйственной иммиграции и аграрной политикой привели к свертыванию сельскохозяйственной иммиграции. Ключевым вопросом в 1920-е годы стал вопрос о праве на эмиграцию населения СССР. «Теоретическим» обоснованием ограничительной политики в отношении эмиграции стала точка зрения об отсутствии, с учетом внутренних факторов, «больших перспектив» этого процесса, что на практике означало закрытость страны. В то же время ускоренная индустриализация показала необходимость иммиграции специалистов и выезда в развитые страны отечественных кадров для повышения их квалификации. В итоге в 1920-е годы сформировалась политика закрытости страны, означавшая существенные ограничения выезда и въезда. Анализ тенденций и опыт политики в международной миграции важен, поскольку в 1920-е годы окончательно определилась позиция государства в отношении эмиграции и иммиграции в СССР. Разнообразные и противоречивые последствия такой политики – предмет специального изучения,.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заявление в Губотуправ [Губернский отдел управления – ред.] НКВД

Прошу выдать мне установленное постановлением Совета Народных Комиссаров от 19 декабря 1922 г. разрешение на выезд за границу.

Для граждан СССР

Вопросы	Ответы
1 Фамилия, имя и отчество (<i>жены, живущей под фамилией мужей, кроме нее указывают еще и девичьи. Лица, имеющие несколько фамилий или псевдонимов, обяз. указ. и их.</i>)	
2 Время и место рождения (<i>год, мес., число, госуд., город и т.д.</i>).	
3 Национальность и с какого времени состоите в Российском гражданстве, если перешли из иностранного, то из какого?	
4 Семейное положение.	
5 Профессия и чем добывали средства к существованию: а) до 7 ноября 1917 г., б) после 7 ноября 1917 г. до настоящего времени (<i>владельцы капитал. указывают его размер, служащие – место работы и должность, учащиеся – учебные заведения, живущие на иждивении указывают на чьем и адрес того лица или учреждения.</i>)	
6 Бывшее сословие.	
7 В каком профсоюзе состоите и с какого времени (<i>№ проф. билета</i>).	
8 К какой политической партии принадлежите и с какого времени. (<i>Если вышли из партии, то когда и почему</i>) (<i>укаж. № билета</i>).	
9 Не состоите ли и не состояли ли под судом и следствием и не привлекались ли к ответственности в административном порядке (<i>арест, подписка о невыезде и т.д.</i>). В утвердительном случае указать: кем, где, когда, за что, на какой срок и в каком порядке освобожд. от наказания.	
10 Были ли за границей, если да – укажите когда, в какой стране и по какому делу (<i>если выезжали при Совласти, укажите кем, когда и за каким № выданы паспорт и виза</i>).	
11 Укажите родственников, находящихся в СССР (<i>степень родства, фамилию, имя, адрес местожительства</i>).	
12 Укажите родственников, находящихся за границей (<i>фамилию, имя, когда выехали из России, где прожиг. и чем занимаются</i>).	
13 Укажите место вашего жительства, начиная с 1914 г. (<i>город, улица, № дома, № квартиры, сколько времени жили</i>).	
14 Ваш последний адрес: (<i>город, улица, 3 дома и кв, № телефона, сколько времени живете</i>).	
15 Куда предполагается поездка, когда выезжаете и через какой погранпункт.	
16 Цель поездки (<i>при командировке указать каким учреждением и по какому делу; при поездке по личным делам подробно изложить мотивы</i>).	
17 Если с вами едут дети, укажите их родственное отношение к вам, фамилию, имя и возраст каждого.	
18 Как долго предполагаете быть за границей.	

Источник: [Инструкция о порядке... 1923: Приложение №5 (к параграфу 1 Инструкции НКВД и к параграфу 3 по делопроизводству)].

ЛИТЕРАТУРА

Вошинин В. (1923). Внимание сельскохозяйственной иммиграции! // Сельскохозяйственная жизнь. 26: 3-4.

Всесоюзная перепись населения 1926 года (1931). Том 51. М.: ЦСУ. 244 с.

Голицына И.Д. (2009). Воспоминания о России (1900-1932). Пер. с англ. М.: Айрис Пресс. 216 с.

- Градов М. (1926). Работа коммун сельскохозяйственных иммигрантов в СССР // Сельскохозяйственная жизнь. 4: 17-19.
- Извлечение из утвержденного СНК СССР 14 мая 1928 г. (1928). Положения о государственном Днепровском строительстве (Днепрогэс) // Известия НКТ СССР. 30-31: 454.
- Индустриализация Советского Союза (1999). Новые документы. Новые факты. Новые подходы. П. М.: Институт Российской истории РАН.
- Инструкция НКТ СССР №19/43 от 31 декабря 1923 г. (1924). О порядке выдачи справок для выезда за границу инженерно-техническим и агрономическим специалистам // Известия НКТ. 1: 9-10.
- Инструкция о порядке выезда за границу граждан СССР и иностранцев с приложением форм заявлений, анкет, виз и пр. (изданная во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров от 19 декабря 1922 г.) (1923). М. 30 с.
- Корсуновский С. (1928). Миграция через границы СССР в 1927 году // Статистическое обозрение. 11: 92-98.
- Корсуновский С. (1929а). Миграция через границы СССР в 1928 году // Статистическое обозрение. 10: 103-108.
- Корсуновский С. (1929б). Эмиграция из СССР в заокеанские страны // Статистическое обозрение. 11: 111-116.
- Моисеенко В.М. (2008). Иностранная колонизация в России // Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX - начале XX столетия. М.: ТЕИС: 239-246.
- Осинский (Оболенский) В.В. (1928). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М. 137 с.
- Решетников Е. (1926). Дифференциация заработной платы служащих в марте 1926 г. (По союзу совторгслужащих) // Статистика труда. 11-12: 1-9.
- Рогалина Н. (2007). Индустриализация как народнохозяйственная проблема (к вопросу об исходном уровне советской индустриальной модернизации) // Вопросы экономики. 2: 127-140.
- Рожков Ю.А. (2014). В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение. 640 с.
- Смирнова Е.М. (2003). «Бывшие люди» Советской России. Стратегия выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы. М.: «Мир истории» издательский дом. 296 с.
- СУ (1923).Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. Отдел первый. М.
- СУ (1924). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. Отдел первый. М.
- СУ (1925). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1925 г. Отдел первый. М.
- СУ (1926). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1926 г. Отдел первый. М.
- СУ (1927). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1927 г. Отдел первый. М.

СУ (1928). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1928 г. Отдел первый. М.

СУ (1950). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М. 1932 с.

Турубинер А.М. (1929). Гражданство // Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Том 1. М.: 526-534.

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19th – THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Part 3. International migration in the USSR in 1923-1930

VALENTINA MOISEENKO

The third (last) part of the paper is devoted to an analysis of international migration for the period from 1923-1930. Despite its shortness, it saw considerable changes in international migration. These changes were caused by the New Economic Policy (NEP) and after that by industrialization. But ultimately, the main trend in migration policy was connected with the legislative confirmation of the country's closure, despite the considerable emigration potential.

Keywords: *emigration, immigration, agricultural and industrial immigration, attraction of foreign technicians, potentiality of specialists, closed population.*

VALENTINA M. MOISEENKO (mvm.msu@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: DECEMBER 2016.

REFERENCES

- Golicyna I.D. (2009). *Vospominaniya o Rossii (1900-1932)* [Memory about Russia (1900-1932)]. (translated from English). Moscow: Ayris Press. 216 p.
- Gradov M. (1926). *Rabota kommun sel'skokhozyaystvennykh immigrantov v SSSR* [The work of communes of agricultural immigrants in the USSR] // *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural life].4: 17-19.
- Industrializatsiya Sovetskogo Soyuza (1999). *Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podkhody* [Industrialization of the Soviet Union (1999). New documents. New facts. New approaches]. II. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN.
- Instruktsiya NKT SSSR №19/43 ot 31 dekabrya 1923 g. (1924). *O poryadke vydachi spravok dlya vyezda za granitsu inzhenerno-tekhnicheskim i agronomicheskim spetsialistam* [Instruction of PCL of USSR №19/43, December 31, 1923. (1924). About the order of certificates issue for departure of mechanical engineers and agronomical specialists] // *Izvestiya NKT* [News of PCL of USSR]. 1: 9-10.
- Instruktsiya o poryadke vyezda za granitsu grazhdan SSSR i inostrantsev s prilozheniem form zayavleniy, anket, viz i pr. [Instruction about the order of departure abroad of citizens of the USSR and foreigners with supplement of declaration, questionnaire, visa and other forms] (1923). Moscow. 30 p.
- Izvlechenie iz utverzhdenogo SNK SSSR 14 maya 1928 g. *Polozheniya o gosudarstvennom Dneprovskom stroitel'stve (Dneproges)* [Extraction from the Regulations about state Dnepr construction (Dneproges) confirmed by the CNC USSR, May 14, 1928.] (1928) // *Izvestiya NKT SSSR* [News of PCL of USSR]. 30-31: 454.
- Korsunovski S. (1928). *Migratsiya cherez granitsy SSSR v 1927 godu* [Migration through frontiers of the USSR in 1927] // *Statisticheskoe obozrenie* [Statistical review]. 11: 92-98.

- Korsunovski S. (1929a). Migratsiya cherez granitsy SSSR v 1928 godu [Migration through frontiers of the USSR in 1928 year] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical review]. 10: 103-108.
- Korsunovski S. (1929b). Emigratsiya iz SSSR v zaokeanskie strany [Emigration from the USSR to transoceanic countries] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical review]. 11: 111-116.
- Moiseenko V.M. (2008). Inostrannaya kolonizatsiya v Rossii [Foreign colonization in Russia] // Ocherki izucheniya migratsii naseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX stoletiya [Essays of migration's study in Russia during the second part XIX - beginning XX century]. Moscow: TEIS: 239-246.
- Osinsky (Obolehsky) V.V. (1928). Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoy Rossii i SSSR [International and intercontinental migrations in pre-war Russia and in the USSR]. Moscow. 137 p.
- Reshetnikov E. (1926). Differentsiatsiya zarabotnoy platy sluzhashchikh v marte 1926 g. (Po soyuzu sovtorgsluzhashchikh) [Differentiation of workers' salaries in March, 1926 (Union of sovtradeemployees)] // Statistika truda [Statistics of labour]. 11-12: 1-9.
- Rogalina N. (2007). Industrializatsiya kak narodnokhozyaystvennaya problema (k voprosu ob iskhodnom urovne sovetskoy industrial'noy modernizatsii) [Industrialization as national economic problem (towards the question on initial level of the soviet industrial modernization)] // Voprosy ekonomiki [Questions of economy]. 2: 127-140.
- Roshkov U.A. (2014). V krugu sverstnikov: zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov [In the circle of contemporaries: peace of life of the young man in the Soviet Russia during 1920 years]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.
- Smirnova E.M. (2003). "Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii. Strategiya vyzhivaniya i puti integratsii. 1917-1936 gody ["Former people" of the Soviet Russia. Strategy of survive and ways of integration. 1917-1936 years]. Moscow: «Mir istorii». 296 p.
- SU (1923). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1923 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1923]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1924). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1924 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1924]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1925). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1925 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1925]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1926). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1926 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1926]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1927). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1927 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1927]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1928). Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1928 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1928]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow. 702 p.

- SU (1950). *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g.* [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1922]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow. 1932 p.
- Turubiner A.M. (1929). *Grazhdanstvo* [Citizenship] // *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of state and law] / P. Stuchka, ed. Vol.1. Moscow: 526-534.
- Voshinin V. (1923). *Vnimanie sel'skokhozyaystvennoy immigratsii!* [Attention to agricultural immigration!] // *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural life]. 26: 3-4.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda goda [All-Union population census of 1926] (1931). Volume 51. Moscow. 244 p.